

блаженному, якоже и бысть. Тогда почели вопрошати его агаряни о котію и рекоша ему турецкимъ языкомъ: отъ куду имѣешъ ту котію; онъ же отвѣщавъ имъ и рече: моя есть. Глаголаша ему оны паки: Мехметъ! не подобаетъ тебѣ имѣти такову котію со крестомъ изображенна, понеже ты еси нынѣ туракъ. А блаженный Іоаннъ отвѣщавши имъ съ гласомъ велимъ и рече: нѣсмь выше туракъ, но христіанинъ и Христово имя исповѣдуемъ, вашего же моамеѳа проклиняемъ. Но агаряны слышавши таковѣи словеса отъ блаженного, отидоша и оклеветаша его къ властителя безбожнаго Али бега, повѣдаша ему и о сребренную котію. А властитель съ яростію великою посла войны по блаженного Іоанна и заповѣда има да приведутъ его къ нему. Тако и оны во онъ часъ поидоша и найдоша его паки на оно мѣсто кодъ тога златаря, и отвѣдоша и представиша его къ безбожнаго мучителя. И вопросы его мучитель глаголюще: отъ куду имѣешъ котію такову сребренну, Мехметъ; блаженный же Іоаннъ отвѣща: человѣкъ нѣкій иже имѣетъ нужду за новци даде ми ю. Но мучитель паки вопросы его, каковъ есть той человѣкъ, турченъ ли или христіанинъ; а мученикъ отвѣща: христіанинъ есть. Мучитель же паки къ нему: да не будетъ калугеръ; а мученикъ отвѣща: калугеръ есть и срамится да онъ ея самъ продаетъ, сего ради даде я мнѣ да ю азъ продамъ. Мучитель же паки къ нему: все добро и право сказалъ еси мнѣ, но вопрошу ты еще о одну вещь, но право мнѣ да скажишь: есть ли истинно что есмь слышалъ азъ о тебѣ, да ты показуешь себѣ за христіанина и Христово имя исповѣдуешь, а нашего Моамеѳа проклиняешь; мученикъ же отвѣща кроткимъ и тихимъ гласомъ, есть истинну Игемоне, да исповѣдую моего Христа а вашего Моамеѳа проклиняю, се и вашу тафію отъ главѣ моей юже мнѣ есте вы дали: (и тако поверже ю предъ мучителя).